

Новые стихи.

Олег БАБИНОВ, Москва (Россия)

ЗАПОНКА

ЗАПОНКА

Я маленький - ни маменька, ни папенька
меня не сыщут в ГУМе у фонтана.
Я - мокрой пяткой втопанная запонка,
окисленный подарок океана.

Что было в сердце - сердолик, жемчужина,
эмалевый верблюдики или слоник?
Какой коньяк был подан после ужина,
додумает затравленный историк.

Жена его ушла к руководителю
научному - сатиру и сатрапу.
От запонки к простреленному кителю
взойдём и мы по лоцманскому трапу.

ВНУТРЕННИЙ ЧУКЧА

Петре Калугиной

В каждом из нас кочует внутренний чукча.
Одни его и не чувствуют. Иные - чувствуют
к письмам, что вечный хозяин им сыплет с неба
то этим, то тем из десятка изводов снега.

Когда в океане глыба таранит глыбу,
внутренний чукча тянет за рыбой рыбу.
Титаник неумолимо летит на льдину -
чукча строгаёт мёрзлую оленину.

Внутренний чукча внешне неразличаем,
но заблудившийся путник им выручаем:
в снежной пустыне - внутренней или внешней -
будет согрет счастливцем чукчанкой нежной.

Что мне поделаться с северною бедою?
Близко я дружен с огненной водою.
Мягкий и трепетный шмат тюленьего жира -
ниц, как душа у врат подземного мира.

Северный бог съедобен и даже лаком.
Я стану свободен, доверив рулить собакам.
Лишь глупый охотник следует за собой,
а мне хорошо здесь - с вороном и совой.

ПЕТЕРБУРГУ

Кому-то он не то, чтоб не его - не свой.
Мне тоже не близки ни серп его, ни молот.
Но я люблю, когда засыпан он листвою,
люблю на языке его торфяной солод.

Я думал, что знаком с ним пару сотен лет,
но, Авель, ты опять - переодетый Каин.
Я прячусь от тебя, как бывший пистолет,
засвеченный в тебе от центра до окраин.

Что там за Рим горит? - Нерон, да то щека
неверная моя, невинная, вторая -
тот узкий коридор, завхозами че-ка
покрашенный теперь казённой охрой рая.

ЧЕЛОВЕК ПРИГОТОВЛЕН

Вот никак не из тайного смысла,
не из счёта на добрых и злых -
человек приготовлен из мыла,
из соломы и веток сухих.

Он умеет заламывать руки,
чушь расхожую складно месить -
но попробуй сорвать с него брюки
и на яйца ему наступить.

Он жалеет подбитую птичку,
говорит, говорит, говорит,
но, когда поднесёшь к нему спичку,
как он плавится, как он горит!

Полыхают поленья в камине,
полыхает в желудке коньяк,
под твоей огнедышащей мини
распушился пылающий мрак.

Усмехнусь, как усталый пожарный
с опалённой в усах наглецей -
"Человек приготовлен, пожалте-с!
Как просили, совсем как живой".

КАРЛ ЛЫСЫЙ

Карл Лысый не был ни воинственным,
ни кровожадным королём,
но всю взрослую жизнь – с восемнадцати лет
до смерти в пятьдесят четыре года
(а это почтенный возраст для девятого века)
он воевал.

Он воевал с братом Лотарем
и братом Людовиком,
с племянником Пипином
и племянником Карломаном,
с маркизом Септиманским
и маркграфом Испанским,
с королём Бретани Номиноэ
и его сыном Эриспоэ,
и с кузеном последнего Соломоном,
с Робертом Сильным,
Эдом Орлеанским и Адельгардом Тулузским,
с конунгом Годфридом, сыном Харальда,
и с Рагнармом Кожаные Штаны.

Карл сдавал крепости, города и целые области,
чтобы снова их завоевать
и снова потерять.

Однажды он прожил в мире с братом
целых десять лет.

Карл запрещал подданным
строить укрепления против викингов,
чтобы не пришлось идти приступом,
когда подданные взбунтуются.

Карл собирал дань
и платил дань.
Он откупался, когда не мог победить,
и брал откуп, когда победа была близка,
но только для того, чтобы откупиться,
когда поражение было почти неизбежным.

Папа Иоанн VIII
помазал Карла на императорский престол,
и это стало вершиной его карьеры,
а через два года позвал Карла
защитить Рим от магометан.
Карл оттягивал отъезд,
резонно опасаясь волнений в тылу,
но отказать было невозможно.
Так и не встретив арабов в бою,
Карл узнал, что племянник
задумал ударить по его арьергарду.

Бросив понтифика,

Карл ринулся наперерез войску
племянника Карломана,
но подхватил инфекцию
и умер от лихорадки
в обычной хижине
в Альпах.

Если бы Карл Лысый не воевал
всю свою взрослую жизнь,
успешно переломив некровожадную
и невоинственную свою природу –
он ведь не был великим, приговорённым
к победе полководцем,
то не стал бы директором департамента,
исполнительным вице-президентом,
членом-корреспондентом,
депутатом областной думы,
лауреатом престижной премии.

Карл Лысый не стал бы мужем
Ирментруды Орлеанской,
а впоследствии – и Ришильды Прованнской,
и не родил бы Людовика II Заику,
Карла III Дитя
и Лотаря Хромого.

Возможно, брат проявил бы
христианское милосердие
и отослал Карла в аббаты
маленького монастыря
в безлюдной горной местности.
Нельзя исключить, что Карл мог бы
построить часовню,
переписать рукопись,
придумать новый рецепт сыра.
Однажды, когда в октябре ударили
ранние холода
и в горах выпал снег,
он бы простудился и умер
в обычной хижине
где-то в Альпах.

ЯРОСЛАВЛЬ

Ластик, ластик,
поддавастик!

Ты затри на небе солнце,
а не то придут татары
нашей кровушкой напиться,

нашей кровушкой напиться,
нашим горюшком умыться,
с нашей бабушкой прилечь
на растопленную печь.

Я влюблён, как ниотсюда
головой в облаках,
и хожу, как колокольня,
озираюсь, как оглобля,
как над бурными волнами
озирается маяк.

Ластик, ластик,
сладострастик!
За тобой придут татары,
я их вылепил из снега -
лица выйдут из него.

Мне нельзя тебя любить,
так любить, как чистить зубы,
так любить, как я - никто.

Ластик, ластик,
яросластик,
помоги мне затереться
серым пятнышком пальто.

КОЛЛЕГА

Коллега, от нас ничего не зависит:
хотят - и зачешут, хотят - и замесят.
Коллега, нас могут сегодня повесить,
а завтра - повесить.

Она убегает, стуча каблучками,
к Тургеневской, вниз, в подколенную дымку -
овчарочьими выжигашь очками
на попе мгновенной нетленную дырку.

А я ничего и не делал плохО уи уи.
но никому и не сделал добро уи уи.
Об этом спел Дэйвид Боуи уи

И смысла в том никако уи уи.

